

Куда ведут реформы образования?

Вадим АВАНЕСОВ, доктор педагогических наук, профессор

Диагноз

Историки науки знают о феномене неправильно поставленных проблем, приводящем к ошибочным решениям. Примером такого рода можно назвать реформу образования, под прикрытием которой за последние десять лет школа выдерживает нашествие концепций, проектов, доктрин, стандартов и т.п.

Похоже, что новации и методическая свобода были задуманы для того, чтобы отвлечь учителей и общественность от катастрофического уменьшения финансирования народного образования, что продолжалось вплоть до 1998 года. Под видом вариативности народное образование фактически расслоилось на элитарное и на минималистски-ориентированное, массовое. Минимализм как мировоззренческая основа стал нормой во всём, что касается социальной сферы, в том числе и образования: остаточное финансирование, минимум зарплат, минимум знаний. Из документов Минобразования РФ последних лет исчезло и само словосочетание «**народное образование**».

Это не случайно. Это диагноз деятельности Правительства РФ. Страна действительно рискует остаться без **народного** образования. Сотни лет образование в России стремилось стать народным и во многом было таковым. Теперь же российские чиновники избегают произносить это слово. Отчего бы это?

Вслед за углублением неравенства в денежных доходах населения произошла, как я уже говорил, поляризация образования — на элитарное и массовое. Появились школы с очень хорошим и плохим образованием. В то время как основной массе учащихся России уготовано обучение по минимальным образовательным стандартам, детям олигархов предоставлена возможность получать за счёт государства образование по максимуму, в том числе за границей. По сути, в стране произошёл переход к парентократической (от англ. parents — родители) модели, при которой **качество образования больше зависит от благосостояния родителей, чем от усилий самих учащихся**. Образование в России стало поляризованным по уровню и по качеству, что противоречит вековым российским традициям: образование народа считалось приоритетной задачей государства. Не случайно в 1802 году Александр I учредил Министерство **народного** просвещения. От традиции народности образования не отступали и большевики.

Потеря народной составляющей в образовательной политике не могла не способствовать кризису. В XXI век Россия вошла в состоянии глубокого кризиса, охватившего экономику, финансы, социальную и другие сферы. Вместе с общим проявляет себя и кризис образования.

При этом кризис усиливается за счёт интеграции объективных и субъективных факторов. В результате тотальной минималистской политики зарплата большинства школьных учителей уже давно не стимулирует творческой энергии педагога-интеллектуала, озабоченного поисками хлеба насущного.

Не лучше обстоят дела и в вузах. По опубликованным оценкам за период так называемых реформ эффективность деятельности высшей школы снизилась примерно в 10 раз. Подсчитано, что если затраты на сферу высшего образования упадут ниже 5 процентов, то оно практически прекратит своё существование как **государственная** система в течение 5–7 лет. Чтобы остановить распад высшего образования, требуется увеличить вложения примерно в пять раз. А для начала серьёзной структурной перестройки, направленной к тому, чтобы ответить на вызов XXI века, нужны затраты, примерно в 12 раз большие.

Именно сейчас начинает зримо проявлять свою подлинную актуальность безыскусный тезис Н.К. Крупской «Хочешь взять общество — бери образование»! Мы становимся свиде-

телями открытого противостояния правительства и педагогической общественности, противоборства чиновников с гражданами страны. Парламентские слушания о введении 12-летнего школьного образования и Единого государственного экзамена проходили в обстановке такой активности публики, о которой «звёзды» эстрады могут только мечтать. Съезд ректоров обращается к президенту с просьбой указать правительству **на недопустимость скоропалительных реформ с непредсказуемыми последствиями.**

Сейчас с каждым днём становится труднее предсказать, кто же всё-таки возьмёт образование в свои руки? Слишком сложна складывающаяся политическая картина. Не ясны политико-образовательные предпочтения и главной фигуры в стране — президента Российской Федерации В.В. Путина.

В плену эгалитаризма

Наш кризис — особый. Со своими особыми историко-философскими корнями. Советское образование было построено на идеях **эгалитаризма**, или равенства: подлинного, а иногда и мнимого, но всё-таки на формальном признании равных прав и равных возможностей в обучении. Организация образовательной деятельности на идеях эгалитаризма имеет недостатки, в том числе усиление централизации и бюрократизации власти, контроль над всеми сферами общественной жизни, а также извращённую склонность к равенству, в основе которой лежит стремление низвести всех до уровня массы, что приводит к «равенству в рабстве».

В СССР эгалитаризм проявлялся в виде псевдонаучных суждений о равенстве интеллектуальных и иных способностей, об одинаковой обучаемости, о возможности каждым человеком овладеть любой профессией, а также в виде учительской зарплаты, не зависимой от фактических знаний учащихся. Под влиянием эгалитарных установок в обществе появилось множество афоризмов типа «незаменимых людей нет», «нет плохих учеников, есть плохие учителя», «лучше не высовываться», «инициатива наказуема» и т.д.

И всё-таки в те годы постепенно возрастал — с 7-го до 10-го классов — уровень обязательного общего образования в средней школе. Массовое образование было подлинно народным, бесплатным, а главное, более качественным, чем сейчас. Кто сегодня в России беспокоится об образовании **всех** граждан? Вы слышали подобные слова хотя бы от одного из часто меняющихся у нас министров образования? Это при том, что 2–3 миллиона (10–15 процентов) детей школьного возраста вообще не посещают школу.

Тиски меритократизма

С начала ельцинских капиталистических реформ 90-х годов Россию повели в другую, противоположную сторону, к так называемой меритократической, а точнее, к олигархической модели организации общества. Идеи меритократии были введены английским социологом М. Янгом, который прозорливо предсказал грядущий приход к власти (и последующий крах!) новой олигархии, оправдывающей своё господство тем, что она состоит из якобы интеллектуально наиболее одарённых и энергичных представителей народа. В соответствии с меритократическими воззрениями на первый план в обществе должны выходить самые способные граждане; они же должны поощряться больше других.

Меритократический подход проник и в сферу образования. Уже изданы новые программы, где одни учащиеся 10–11-х классов будут изучать математику 340 учебных часов, а другие — только 204. Это означает, что теперь вместо базового образования Министерство образования держит в уме новое разделение учащихся на «физиков и лириков». Надо ли объяснять, что не дело государства вводить, порой принудительно (а так это и будет на практике при формировании учебных классов), два стандарта обучения математике. Решать — кому, что и сколько изучать лучше, человечнее, что ли, не Министерству образования, а учащимся и их родителям. Министерство может только предлагать свои варианты, от-

талкиваясь от общей для всей страны концепции базового образования. Как это делается в других странах.

Например, Министерство образования Японии разрабатывает основы государственной политики в образовании, определяет учебные планы и программы для школ всех типов. Всем остальным занимаются консультативные советы министерства. На финансирование образования выделено свыше 7% национального дохода (свыше 11% госбюджета страны).

Филологические «шалости»

В самом начале меритократических «реформ», как бы невзначай, были заменены привычные названия «неполное и полное среднее общее образование» на непонятные массам слова: «основное общее» и «среднее (полное) общее образование». Стилль, как видно, непроходимый, но востребованный. После этого в Закон РФ «Об образовании» был включён пункт о том, что «государство гарантирует ...получение бесплатного общего образования». (Спросите, какого?) Как говорили голосовавшие за этот закон депутаты ВС РСФСР, они имели в виду полное общее образование, как и было в СССР. Оказалось, не то, потому что позже в ст. 43 новой Конституции РФ появилось уточнение: «гарантируется ...бесплатность основного общего», т.е. только неполного среднего образования. А это всего девять классов. Таким образом, при попустительстве образовательных ведомств **граждане, введённые в заблуждение этой словесной эквилибристикой, даже и не заметили, что, голосуя за Конституцию, они фактически выступают против гарантии бесплатного полного среднего образования своих детей.**

Филологические «шалости» правительства РФ и нашего главного образовательного ведомства на этом не закончились. В распоряжении № 1072 о плане «Основных мероприятий» на 2000–2001 гг. теперь появились слова о необходимости установить «**особый статус образовательных организаций**». Не подумайте, что выделенные слова использованы в распоряжении случайно или что в правительстве РФ сидят непонимающие люди. Отнюдь. Слово «организации» ими введено намеренно: вместо установленного законом понятия «образовательное учреждение», а «особый статус» вместо «государственного» учреждения. Эти языковые изыски можно истолковать как подготовительную работу перед началом объявления второй решительной попытки приватизировать образовательные государственные учреждения России. Заместитель председателя Комитета Госдумы по образованию и науке Олег Смолин назвал попытку правительства изменить статус образовательных учреждений на «образовательные организации» «подготовкой террористического акта против высшего образования».

Вглядываясь в тексты политических документов и сравнивая слова с реальными делами, легко заметить несоответствие. Например, в ст.17 Федерального конституционного закона от 17.12.1997 г. № 2 «О правительстве Российской Федерации» (с изменениями от 31.12.1997 г.) написано: «Правительство обеспечивает проведение единой государственной политики в области образования, определяет основные направления развития общего и профессионального образования, развивает систему бесплатного образования». Однако вместо системы **бесплатного** образования ускоренно развивается система **платного** образования. С невиданным ранее упорством, вопреки мнению педагогической общественности и большинства депутатов Госдумы, правительство проталкивало идею и финансировало дорогостоящую разработку документов массовой 12-летней школы, хотя требуемых для этого социально-экономических условий в стране нет.

Магия простых решений

Распоряжением Правительства РФ от 26 июля 2000 г. № 1072-р. «Первоочередные действия в сфере образования» направлены к тому, чтобы обеспечить увеличение расходов и существенно повысить эффективность образования. После таких вдохновляющих слов изла-

гается главный предмет новшества: «Поэтапный переход к нормативному подушевому финансированию высшего профессионального образования предусматривает экспериментальную отработку технологии проведения **Единого государственного выпускного экзамена** и его последующее законодательное закрепление...».

Иными словами, **вводится новая схема финансирования обучения в высшей школе**. А это означает, во-первых, что все желающие поступать в вузы за счёт госбюджета **обязаны** проходить ЕГЭ. Пока неясно платной или бесплатной будет эта добровольно-принудительная услуга. Если по закону, то ЕГЭ должен быть бесплатным, а если по логике проведения централизованного тестирования, то за плату и досрочно, что противоречит закону. Чем больше баллов, тем выше становится вероятность учиться за счёт государства. С низкими баллами по единому госэкзамену выпускнику школы учиться в вузе придётся за свой счёт.

Казалось бы, в идее ЕГЭ заложена та же норма конкурсного приёмного экзамена, вытекающая из п.3 статьи 43 Конституции РФ, где написано: «...каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование». На самом же деле схема ЕГЭ меняет базу конкурса при поступлении в вуз. Сейчас конкурс зависит от избранного вуза (факультета), от соотношения числа заявлений и числа мест и только затем — от полученных на вступительных экзаменах баллов. И если это соотношение оказывается невысоким, то конкурс в вузе снижается, а абитуриенты с низкими баллами получают возможность учиться за счёт бюджета. В новой же схеме зачисление будет связываться не с уровнем конкурса в конкретном вузе, а с абсолютными значениями централизованных баллов ЕГЭ.

Иначе говоря, вместо нынешнего конкурса в каждом вузе вводится общий конкурс в масштабах страны, безотносительно к выбираемому вузу. Это позволяет финансировать из единого центра обучение только тех выпускников школ, кто покажет высокие баллы на ЕГЭ.

Далее. Предложенная схема открывает возможности манипулировать объёмом финансирования высшего образования посредством произвольного завышения значений «единых проходных» баллов, **что неизбежно увеличит долю платности образования**. Только теперь уже как бы на основе недостаточных индивидуальных баллов. Это неизбежно снизит уровень установленных законом гарантий прав граждан на образование, что и подтверждается практикой последних лет. Ведь не случайно на парламентских слушаниях 14 ноября 2000 г. по вопросам реформирования образования правительству была чётко заявлена **обеспокоенность непрерывным увеличением объёма платного обучения и платных образовательных услуг в государственных и муниципальных образовательных учреждениях**.

В п. 4 ст.16 Закона «Об образовании» (в редакции 1996 г.) говорится: «Освоение образовательных программ основного общего, среднего (полного) общего образования... завершается обязательной итоговой аттестацией выпускников». И нет ничего похожего на «единый государственный экзамен». И это не случайно. В соответствии с Конвенцией по борьбе с дискриминацией в области образования (Париж, 14 декабря 1960 г.), принятой Генеральной конференцией Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (СССР и международное сотрудничество в области прав человека: Документы и материалы. М., 1989. С. 241. Россией ратифицирована), Россия, как демократически ориентированное государство, унаследовала обязательства не воздвигать барьеры перед своими гражданами на пути получения образования: не закрывать никому доступ к образованию любой ступени или типа; не ограничивать образование какого-либо лица; обеспечить равный для всех доступ к образованию. Если всякий экзамен — это барьер, то госэкзамен — это барьер, устанавливаемый государством. ЕГЭ же — **это единый (читай — тотальный) государственный барьер**, характеризующий страну в глазах мировой общественности далеко не с лучшей стороны. Теперь понятно, почему «технология проведения Единого государственного выпускного экзамена» не получит поддержку законодателей, как бы правительство ни стремилось к его «последующему законодательному закреплению».

Вопреки взятым обязательствам по соблюдению упомянутой Конвенции правительство РФ приняло политическое решение организовать ЕГЭ в масштабах всей страны. Министерству образования поручено провести **«экспериментальную отработку технологии»**. Сле-

довательно, поставлен вопрос не о проверке целесообразности ЕГЭ (в этом все уверены заранее и без эксперимента), а о разработке только технологии ЕГЭ, необходимой для приёма в вузы. Однако приём в вузы — это **многоплановая проблема профессионального отбора**. Посредством ЕГЭ, равно как и централизованного тестирования, она не решается в принципе. Хотя бы потому, что такая работа из одного центра невозможна; она требует другой организации, другого подхода и других кадров. Магия простых решений витает в высоких кабинетах.

Сомнительная метафора

Единый государственный экзамен надо рассматривать как широкомасштабный **социально-политический эксперимент**, последствия которого будут иметь, скорее всего, отрицательное значение для миллионов граждан страны. К сфере образования прямо или косвенно причастны около 39 миллионов человек. В какой мере правительство считает себя вправе приступить к такому эксперименту без одобрения Государственной Думы, педагогической общественности, родителей и самих школьников? Как видим, в полной. Между тем такого рода масштабная акция требует обязательного консенсуса, иначе действие вызовет противодействие.

Одна из декларируемых целей ЕГЭ — получить объективную оценку освоения государственного образовательного стандарта выпускниками школы, в том числе — для использования при аттестации образовательных учреждений. Если в разрабатываемые стандарты по-прежнему закладывается идея освоения обязательного минимума знаний, то содержание понятий «качество образования» и «освоение государственного образовательного стандарта выпускниками школы», а равно и целей, совпадает только в одном случае — **измерения минимума образованности**. Неужели вы этого хотите, господа?

Чтобы преодолеть пропасть между средней и высшей школами, нам теперь предлагают совместить ЕГЭ, аттестацию выпускников средней школы и оценки централизованного тестирования. Это означает, что пропасть будет ликвидирована за счёт низведения вузовских требований до уровня школьных с известными отрицательными последствиями для уровня знаний. Полезно напомнить, что 99,8% выпускников получают аттестат о среднем образовании, в то время как в вузы поступает существенно меньше половины. Разрыв в знаниях большинства выпускников школ и абитуриентов вузов затрудняет создание единого метода — измерения общей подготовленности выпускников школ и уровня развития специальных способностей для освоения той или иной образовательной программы. Это — разные задачи и разные предметы педагогического измерения и психометрики.

Таким образом, ЕГЭ — это политическое решение, поручение правительства, это технология, это государственная методика и главное средство единой государственной аттестации выпускников школ. И, наконец, это широкомасштабный социально-политический эксперимент. Не многовато ли для такой консервативной формы контроля знаний, как экзамен? Ответ на этот вопрос не имеет абсолютно никакого значения. Потому что **эффективный единый экзамен** создать проблематично, **государственным** в демократическом обществе он быть не может, а **экзаменом** — тем более не может быть по технологическим условиям проведения масштабных контрольных мероприятий. Поэтому ЕГЭ — это метафора, используемая для прикрытия. Вся эта обширная работа уготована централизованному тестированию. И действительно, эффективная реализация финансовой части замысла ЕГЭ немыслима без разработки и применения качественных тестов. Иначе говоря, изначально правильнее было бы говорить не о едином государственном экзамене, а о едином государственном тестировании. И если это так, то ударная роль будет отведена централизованному тестированию и отчасти, возможно, «Телетестингу». Однако в таком случае они попадут в фокус общественного интереса и вызовут, конечно, ряд непростых вопросов, среди которых главное — спорный статус этих учреждений, платность и досрочность их услуг (до начала приёма документов в вузы), что входит в противоречие со ст. 43 Конституции РФ и с правовыми документами Минобразования. Это уже отмечалось в представлениях Генпрокуратуры.

В основе ЕГЭ легко просматривается очередная затея меритократического толка — обеспечить финансирование образования одних лиц за счёт других. Но вот что писал известный педагог и философ Пауль Наторп (1854–1924 гг.): «Все дети имеют равное право на развитие, а менее способные ученики имеют такое право в ещё большей степени, чем дети, одарённые от природы». Возможно, что у некоторых прагматиков эта мысль вызовет усмешку. Но призадумайтесь о социальных последствиях, скажем так, необучения менее способных граждан. И тогда откроется бездна реальных проблем, никак не поддающихся решению с помощью умозрительной схемы ЕГЭ. Задача **«подушевого финансирования» должна решаться не с помощью нелегитимного ЕГЭ, а на основе Конституции РФ.** В соответствии с ней каждый гражданин имеет право на образование. А потому **каждый выпускник школы должен получить свой образовательный ваучер одинакового для всех достоинства и иметь право распорядиться им по своему усмотрению в интересующем его вузе.**

Куда пойдёт образование?

Теперь пришло время ответить на главный вопрос статьи: куда пойдёт российское образование в XXI веке? Есть много причин, мешающих дать однозначный ответ на этот важный вопрос.

Просматриваются три возможных сценария развития образования.

Первый сценарий — правый, наименее вероятный в условиях массового обнищания населения. Если правые возьмут образование в свои руки, то народное образование может захиреть, а ускоренное развитие получит скорее всего только элитарное образование.

Число студентов может возрасти, но вряд ли это станет свидетельством успехов высшего образования. Надо ли в условиях устойчивого снижения качества массового образования безоглядно наращивать количество? Говорят, что это надо для рассасывания структурной безработицы и что профессиональное образование лучше профессиональной преступности. Но ведь у такой политики некачественного образования проявятся и свои отрицательные последствия, например, засорение кадрового потенциала страны. И эти последствия не заставят себя долго ждать. Ориентация на количество — это продолжение советского опыта ошибочной работы на «вал». То, что в западной науке называется реификацией (овеществлением) некачественного показателя, т. е. в ущерб сути дела.

Платность образовательных услуг получит чрезмерную распространённость, что может вызвать нежелательные молодёжные волнения. Репетиторство приобретёт ещё больший размах, переместившись в случае укоренения ЕГЭ в стены школ. Сейчас это самая эффективная, но и самая дорогая форма преодоления пропасти в требованиях школы и вуза.

Ни один вуз пока что не выступил открыто против репетиторской деятельности своих сотрудников. Потому что, во-первых, при нищенской зарплате для многих преподавателей — это способ выживания. А во-вторых, некоторые репетиторы выполняют полезную, большую и тяжёлую работу по приведению знаний школьников в систему, ликвидируя те огрехи в подготовке, которую даёт школа. При существующей перегрузке программ и несовершенстве методик научить *каждого* учитель не может.

Качество массового образования при этом сценарии вряд ли улучшится, а скорее даже ухудшится. В стране нет независимых систем оценки и контроля качества знаний на переходе из школы в вузы. На мой взгляд, ЕГЭ и ЦТ их не заменят. А потому, говоря словами Г. Спенсера, некоторые учебные заведения будут продолжать давать такое образование, которое способствует больше распространению приятных заблуждений, чем горьких истин. Для преодоления такой ситуации нужны независимые аттестационные службы, лучше негосударственные.

Второй сценарий — левый, с его тяготением к государственному образованию как одной из самых важных задач и к решениям эгалитаристского толка. На самом деле образование — не только первостепенное дело государства, но также жизненная задача учащихся и студентов, их родителей, общества. Образование, по сути, — это ваяние образа, переход от

одного «Я» к другому. А ваяние нового образа — это дело, в первую очередь, самого ученика, затем — его родителей и окружения, общества и только затем — государства. Согласие с отмеченными приоритетами поможет по-новому увидеть многие вопросы образовательной и социальной политики: перераспределение ответственности за развитие муниципального, городского, общинного, семейного образования и воспитания, а также формирование бюджетных и внебюджетных источников финансирования образовательных учреждений — как государственных, так и негосударственных.

Государственная образовательная политика не может исходить из приоритета удовлетворения образовательных потребностей только личности (этому нет предела), а должна учитывать возможности и потребности государства.

Третий сценарий — подлинно демократический, центристский. При таком подходе подлинные реформы образования должны начинаться с главного — с реформы его содержания. Классик древности Эсхил писал, **что мудр не тот, кто много знает, а тот, кто знает нужное**. Это и есть самый главный вопрос реформы. Но именно содержание образования не реформировалось принципиально в течение примерно полувека. Оно лишь диверсифицировалось, обрастало новыми предметами, вследствие чего повсеместно ухудшилось фундаментальное образование.

Чтобы двигаться по этому пути, необходимо создавать общественные ассоциации преподавателей — специалистов по различным дисциплинам. По-настоящему современное содержание образования может появиться только как **результат совместных и сбалансированных усилий отдельных специалистов, общественных ассоциаций и государственных органов управления образованием**. Постоянное нарушение этого баланса в работе Министерства образования РФ — вот главная причина появления нескончаемого числа негодных программ, учебников и пособий.

Управлению образованием предстоит придать подлинный общественно-государственный характер. Чтобы расширить возможности общественного управления приёмом в вуз, надо создать независимые экспертные и другие ассоциации взамен нынешних министерских советов, руководимых чиновниками.

Вместо нынешнего коммерциализованного и нелегитимного централизованного тестирования предстоит создать национальную систему тестирования. Для этого потребуется взаимодействие граждан, общества и государства. Нужны прозрачность организации тестирования, открытость и доступность для исследователей и независимых экспертов, матриц всех без исключения тестовых результатов, по всем учебным дисциплинам и регионам, за все годы. Требуется также отмена министерского диктата в применении тех или иных форм тестирования и рецензирования, что ухудшает качество тестовых результатов. Обязательна публикация отчётов по разработке тестов по итогам финансовой деятельности Центра тестирования.

В XXI веке независимыми останутся только те страны, которые смогут выдержать интеллектуальную и технологическую конкуренцию. Хотя шансы России в этой сфере заметно подорваны, воля её народов, богатый генетический, ресурсный и сохранившийся пока научно-технический потенциал ещё в состоянии преодолеть нынешний упадок и вывести страну на достойный её уровень. Решающую роль сыграло в этом образование — среднее и высшее.